

Марина
СЕРОВА

Девочка, которая лгала

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Девочка, которая лгала

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Девочка, которая лгала / М. С. Серова — «Эксмо»,
2019 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-04-102991-3

Профессиональный телохранитель Евгения Охотникова умеет очень многое: стрелять из любого вида оружия, обезвреживать бомбы, владеет приемами рукопашного боя. Вот только клиент – шестилетняя девочка Луиза Лазарева. Луиза, или, как все ее называют, Лу, – необычная девочка. Мало того что недавно погиб ее отец, банкир Лазарев, оставивший ей огромное состояние, так она постоянно врет – то рассказывает, что отца убила настоящая ведьма, то говорит, что в лесу живет зомби. Теперь Охотниковой придется примерить на себя роль суперняни, а защищать Лу весьма непросто...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102991-3

© Серова М. С., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Сергеевна Серова

Девочка, которая лгала

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Серова М. С., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

* * *

Земля скрипела у меня на зубах, когда я наконец выбралась из своей неглубокой могилы. Откинувшись на спину, я раскинула руки и жадно, давясь и кашляя, глотала холодный воздух, пахнувший лесом, грибницей, хвоей, подступающей зимой, свободой, жизнью. Глядя в чернильное небо с редкими гвоздиками звезд, я слышала ночную музыку леса – скрип веток, уже лишенных листьев, шелест хвои, стон старого расщепленного дерева, свист ветра в голых ветвях.

Я знала, что в лесу я не одна, – в этих местах водились дикие кабаны, и, хотя медведей здесь не видали лет сто, зато волки еще встречались. Но мне было плевать. Сейчас я сама была страшнее любого дикого зверя, и в этих краях не было никого опаснее меня...

Кроме одного человека. Но ему придется подождать...

Мысль о медведях заставила меня вспомнить о ребенке. Надеюсь, еще не поздно. А если поздно...

Я должна встать. Должна действовать. Должна успеть. Вот только подышу еще минуту, всего одну минуточку.

Но тут из леса вышел зомби. Тяжело ступая, он приблизился ко мне и остановился. На фоне звездного неба его силуэт казался сотканным из мрака.

Зомби протянул мне черную руку и едва слышно произнес: «Вставай. Пора им заплатить за все, что они сделали».

Я не колебалась ни секунды. Ухватившись за руку неожиданного союзника, я поднялась с земли и широко улыбнулась мертвецу.

Глава 1

Мне не впервой работать на покойников – в моей практике уже были такие случаи. Поэтому я почти не удивилась, когда раздался телефонный звонок и приятный мужской голос осведомился:

– Евгения Максимовна Охотникова?

Поскольку на экране моего телефона высветился номер, я знала, с кем имею дело.

– Для вас просто Евгения. Доброе утро, Иосиф Леонидович.

Адвокат Сташевич был известным в городе человеком. В нашем провинциальном Тарасове не так уж много юристов такого калибра.

Правда, в последние годы Сташевич несколько отошел от дел. Возраст Иосифа Леонидовича позволял ему надевать костюм и галстук и возвращаться к практике только в исключительных случаях – когда содействие требовалось кому-то из старых друзей или особенно важных клиентов.

– Рад, что вы не забыли меня, Евгения, – очень вежливо произнес Сташевич.

Он всегда разговаривал так, что каждая женщина чувствовала себя если не английской королевой, то герцогиней уж точно. Мне, пацанке родом из Владивостока, это было даже забавно.

При всех своих прекрасных манерах и обманчиво-мягкой речи Сташевич был крутым профи. Его время стоит денег – так же, как и мое, кстати. Юрист не стал бы звонить без веской причины, особенно в воскресное утро.

– Иосиф Леонидович, я внимательно вас слушаю.

Адвокат выдержал паузу – слегка театральную, надо признать, – и выдал:

– Евгения, я хочу предложить вам работу.

Вот, именно этого я и опасалась.

Когда я, единственная женщина-телохранитель в нашем городе, в первый раз услышала бархатный голос пожилого юриста, то не предполагала ничего плохого.

В конце концов, я востребованный профессионал, а охрана – то, чем я зарабатываю на хлеб, масло, овощи и хорошо прожаренные стейки.

Задание, которое предложил мне тогда Сташевич, на первый взгляд казалось несложным – всего-то и дел, что найти и доставить в город одну сиротку, восемнадцатилетнюю деревенскую простушку, которой посчастливилось оказаться единственной наследницей криминального авторитета с погонялом Серебряк.

Закончилась эта история трагедией.

Кстати, сиротка организовала вполне техническое покушение на мою жизнь, о чем я до сих пор забыть не могу.

Но главной «фишкой» той истории было то, что работала-то я на покойника. К моменту, когда я подключилась, Серебряк был мертв, а его завещание лежало в сейфе у Сташевича...

При этих крайне неприятных воспоминаниях я ощутила, как просыпается мое шестое чувство. Интуиция не однажды спасала мне жизнь... хотя так же часто подводила и заставляла ошибаться. Но человек, совершивший сотню прыжков с парашютом – вот как я, – склонен прислушиваться к предчувствиям. Поэтому я осторожно поинтересовалась:

– Иосиф Леонидович, скажите, вы сейчас говорите от имени своего клиента?

Адвокат несколько недоуменно ответил:

– Разумеется, Евгения!

Да, конечно, Сташевич не стал бы звонить мне по собственной инициативе, чтобы поинтересоваться, какие у меня планы на уик-энд.

Тогда я еще более вкрадчиво спросила:

– Не поймите меня превратно... но ваш клиент в добром здравии?

Мне показалось или Сташевич ахнул? Во всяком случае, пожилой законник закашлялся – так, как обычно делают те, кто пытается выиграть время.

– Уважаемый Иосиф Леонидович, – проникновенно произнесла я в трубку, – только не говорите, что снова хотите предложить мне работу на покойника. Как тогда.

Сташевич уже справился с эмоциями и включил свое прославленное обаяние, перед которым так трудно было устоять:

– Евгения, вы не перестаете меня поражать! Как, как вам удастся быть такой проницательной? Это ваше главное достоинство, конечно, помимо вашего профессионализма и поразительной красоты!

«Какие перышки, какой носок... и верно, ангельский быть должен голосок!» – пробормотала я себе под нос памятные с детства строчки басни про ворону и лисицу. Но поневоле почувствовала себя польщенной.

– Иосиф Леонидович, я высоко ценю ваше мнение, но давайте все-таки к делу. Кому требуется охрана?

– Ребенку, – так же прямо ответил Сташевич. – Шесть лет. Девочка.

– Боюсь, это немного не мой профиль, – с некоторым облегчением произнесла я. – Вынуждена отказаться.

– Но почему? – изумился Сташевич. – Вы лучший телохранитель в городе. Неужели такое простое дело, как охрана ребенка, вызовет у вас какие-то сложности?

– Да не вызовет, конечно... дело в другом. Я ничего не понимаю в детях. Вы же знакомы со специфическими подробностями моей биографии. Не думаю, что стану подходящей компанией для ребенка шести лет, тем более девочки. Найдите кого-нибудь другого. Могу порекомендовать чудное охранное агентство, его держат мои друзья, семейная пара...

– Послушайте, – Сташевич перебил меня довольно жестко, – ребенку не нужна компания, речь идет о жизни девочки. Ей нужен лучший в городе профи, который обеспечит ей безопасность. А это именно вы. Конечно, если вы наотрез откажетесь...

Сташевич специально подвесил паузу, давая мне возможность заглотить приманку.

Если я откажусь, то моей репутации «самого крутого профи в городе» будет нанесен существенный ущерб. Возможно, это звание после выполнения предлагаемой Сташевичем работы получит кто-то другой. А я не намерена сдавать своих позиций. Мне нравится быть номером один. К тому же первому номеру платят гораздо больше, чем второму...

– В принципе я согласна, – медленно проговорила я, – но для окончательного решения мне нужно больше информации.

– Не по телефону, – вкрадчиво произнес Сташевич.

– Естественно. Давайте сделаем так – через час я буду у вас в конторе, и мы все обсудим. Сташевич замялся.

– Что-то не так? – удивилась я.

Прекрасно помню особнячок в центре города, который занимала контора адвоката, его пожилую строгую секретаршу и тяжелую мебель полированного дерева. Может быть, на юристе отразился финансовый кризис, и ему не по карману арендовать особняк в центре Тарасова? Ну уж нет, кому угодно, но только не Сташевичу...

– Знаете, Евгения, приезжайте лучше ко мне домой, – проговорил юрист. – Вы же помните, где я живу?

Конечно, я удивилась – никогда не видела Сташевича вне профессиональной обстановки, не считая одного раза, когда завезла ему кое-какие документы на хранение, поскольку не была уверена, что доживу до утра. Тогда я и узнала адрес адвоката.

– Хорошо, скоро буду, – отрапортовала я и прервала связь. Положила телефон и задумалась.

Раз Иосиф Леонидович приглашает меня домой, значит, дело, в которое он хочет меня втянуть, либо очень грязное, либо чрезвычайно личное.

Как оказалось, правдой оказалось и то и другое.

Заводя мотор «Фольксвагена», я по старой привычке анализировала мотивы собственного поведения. Почему дело, которое предлагает мне Иосиф Сташевич, вызывает у меня такое... как бы это сказать... внутреннее сопротивление?

Будь честна с собой, Охотникова, тебя так напрягает это дело потому, что речь идет о семье. Потому что в твоей собственной семье...

Да нет у тебя никакой семьи, пора уже признать!

С тех пор как я вышла в отставку и переехала в провинциальный Тарасов, моя семья – это пожилая тетушка Мила.

Людмила Охотникова приняла меня, не задавая вопросов, и я считаю ее единственным родным человеком. После смерти матери отец признался, что у него давно уже другая семья. Я так и не смогла ему этого простить.

В тот день я захлопнула за собой дверь родительского дома и больше никогда не бывала там. Я не поддерживаю связи с отцом, не отвечаю на его звонки и письма. Даже когда он приехал повидаться со мной, лежащей в больнице после падения с пятого этажа, я не пожелала его видеть.

И вот не так давно я заметила, что моя тетушка странно себя ведет. Какие-то телефонные переговоры по вечерам, причем дверь в комнату закрыта, и ведутся они придушенным голосом. Нетипичное поведение – тетя извлекла с антресолей чемодан и подолгу возилась с ним, перекладывая одежду. Мила поглядывала на меня виновато, но все не решалась начать разговор первой.

Наконец я не выдержала и спросила напрямик:

– Мила, признавайся, ты решила эмигрировать в Израиль или тебя завербовала британская разведка?

Тетушка, глядя в пол, пробормотала:

– Женечка, ты только не сердись. Но Максимка так долго просил меня приехать, я не могла ему отказать и, в конце концов, согласилась.

– Кто такой Максимка? – нахмурилась я.

Неужели у Милы на старости лет завелся тайный поклонник?!

Мила потрясенно уставилась на меня:

– Твой отец, Женечка. Мой младший брат.

Видимо, на моей физиономии было написано все, что я думаю, потому что Мила прижала руки к груди и затараторила:

– Женя, пойми, я уже немолода. Знаю, что ты до сих пор не простила отца, но ведь он мой единственный брат. И кто знает, доведется ли еще увидеться с ним... Так что можешь обижаться, сердиться, протестовать... Но завтра я улетаю во Владивосток. На два месяца.

– Да я и не собираюсь протестовать, – я погладила тетушку по руке. – Поезжай спокойно. Повидайся с братом.

– Может быть, передать ему привет от тебя? – с надеждой спросила Мила, заглядывая мне в глаза снизу вверх.

– Обойдется, – мстительно прошипела я.

Но на следующий день отвезла тетю в аэропорт на своей машине и тепло попрощалась с ней. Надеюсь, им с отцом найдется поговорить о чем-то еще, кроме того, чтобы перемывать косточки Жене Охотниковой.

Так что сегодня мне вполне ясна причина собственного недовольства.

Спустя шестьдесят минут я входила в подъезд старинного шестиэтажного дома, где проживал адвокат со своей супругой. Маргарита Максимовна сама открыла мне дверь и приветливо пригласила войти.

Супруге Сташевича было столько же, сколько и мужу, а именно – семьдесят пять и ни днем меньше. Но выглядела она великолепно. Хрупкая дама в длинной узкой юбке и сиреневой блузке грациозно балансировала на высоких каблуках. Голубоватые седины удачно оттеняла нить бледного жемчуга (разумеется, натурального). Надо же, а я дома хожу в джинсах и черной майке... Хотя по такой квартире, как у Сташевичей, бродить в джинсах попросту неприлично. Высоченные потолки, драгоценный паркет, антикварная мебель. Особенно впечатлил меня белоснежный рояль.

Маргарита Максимовна поймала мой восхищенный взгляд и пояснила:

– Настоящий «Стейнвей». К сожалению, я больше не выступаю – годы добрались и до меня.

– Что вы, Маргарита Максимовна, – вполне искренне воскликнула я, – кто-кто, а вы годам неподвластны!

Пожилая дама польщенно улыбнулась:

– Благодарю вас, Женя. Не все согласятся с вами, – и дама бросила колющий взгляд на мужа.

Сташевич собрался что-то сказать, но супруга его опередила:

– Ах да, вас ведь ждут дела! Думаю, в кабинете вам будет удобно. Я провожу, – и Маргарита Максимовна зацокала каблучками по маслянисто блестящему паркету.

Нам с адвокатом ничего не оставалось, как последовать за хозяйкой дома.

У дверей кабинета Сташевич все-таки решил перехватить инициативу:

– Марго, нам с Евгенией нужно поговорить. Без свидетелей.

Хозяйка обиженно поджала губы и скомкала жабо сиреневой блузки:

– Я, кажется, никому не мешаю, Иосиф...

Обернувшись ко мне, Маргарита Максимовна вздохнула:

– Бедная Лизонька, мы так ее любили... но после гибели Лёни она так и не смогла оправиться...

Я сделала непроницаемое лицо. Понятия не имею, кто такая Лизонька. Не говоря уже про Лёню.

Маргарита Максимовна прикрыла рот узкой ладонью, довольно неправдоподобно изобразив испуг:

– Ох, простите, я, кажется, вмешиваюсь не в свое дело...

Я обратила внимание, что руки хозяйки изуродованы артритом, а кольца на пальцах обожались Сташевичу в небольшое состояние.

С ангельским терпением адвокат выпроводил супругу, закрыл за ее узкой спиной тяжелые дубовые двери и прислонился к створке с видимым облегчением на лице.

Я уселась в кресло для посетителей и сделала вид, что разглядываю коллекцию гравюр на стенах кабинета. Чужие семейные проблемы меня волнуют мало – до тех пор, пока речь не заходит о работе.

– Вы должны извинить Маргариту, Евгения, – обратился ко мне юрист. – С тех пор как она была вынуждена уйти на покой, Марго чувствует себя несчастной. Артрит лишил ее всего – любящих учеников, аплодисментов, ощущения своей нужности...

Я терпеливо ждала, пока Сташевич выговорится.

Наконец пожилой юрист тяжело опустился в массивное кожаное кресло у дубового стола. Оказавшись в привычной обстановке, Сташевич подобрался, принял деловой вид и словно бы даже слегка помолодел.

Да, ему на пенсию точно рановато.

Юрист нацепил на нос очки в золотой оправе, выдвинул ящик стола, вынул пакет из белоснежной бумаги, достал из него и выложил на стол несколько рукописных листков.

– Вот, собственно, причина, по которой я был вынужден потревожить ваш покой, – с некоторым пафосом произнес Сташевич.

– Ага, это и есть работа на усопшего клиента? – деловито осведомилась я.

Не люблю терять время даром, а Сташевич всегда был склонен к театральным эффектам, долгим паузам и прочему. Хотя это только декорации – на самом деле он вполне деловой дядька...

Юрист на мгновение сбился – я, как всегда, собиралась сломать предложенный сценарий, – но тут же взял себя в руки и продолжил:

– Это завешание ныне покойной дамы, отмечу, весьма состоятельной. Некогда она проживала в Тарасове – отсюда наше близкое с ней знакомство, но последние десять лет она жила в Ницце, где и скончалась десять дней назад.

– А имя у этой дамы есть? – Я вновь перебила плавное течение речи адвоката.

Любит он напустить туману.

– Разумеется, – корректно кивнул Сташевич. – Елизавета Михайловна Лазарева.

Вот теперь мне многое стало понятно.

Дама, о которой говорил Сташевич, была матерью убитого не так давно тарасовского банкира. Леонид Лазарев был застрелен, кажется, на территории собственного загородного дома. Следствие по делу шло, но как-то вяло. Свидетелей не было, работал, скорее всего, профи, так что моим друзьям-следователям светил очередной всяк.

Теперь я поняла, почему юрист пригласил меня домой.

Дело в том, что с семьей Лазаревых Иосифа Леонидовича связывали долгие дружеские отношения. Для пожилого юриста это была не только работа – ведь речь шла о людях, которых он хорошо знал.

Теперь стала понятна и фраза Маргариты о «бедной Лизаньке». Умершая в Ницце дама была подругой пожилой пианистки.

– От чего умерла госпожа Лазарева? – спросила я, в упор глядя на адвоката.

Сташевич скорбно вдохнул и пояснил:

– По роду своей деятельности вы, Евгения, привыкли иметь дело с криминалом... но, уверяю вас, Елизавета Михайловна скончалась от естественных причин, а именно – от болезни сердца, которой страдала долгие годы.

Сташевич сцепил ухоженные руки и покрутил большими пальцами. А потом добавил:

– Но вы, конечно, понимаете, какова истинная причина. Для Елизаветы Михайловны страшным ударом стала гибель единственного сына, Леонида Лазарева. Эта трагедия потрясла всех нас, но сердце матери...

Слушать про сердце матери я была не в силах, поэтому перебила:

– А почему вы решили, что дочери убитого требуется охрана?

– Это не я решил, – укоризненно покачал головой Сташевич, – так считала Елизавета Михайловна. Уверяю вас, она редко ошибалась. Почти никогда. И, несмотря на почтенный возраст, сохранила ясность мыслей. О чем свидетельствует лежащий передо мной документ.

Я невольно восхитилась, как элегантно юрист вернул разговор в нужное ему русло. Учись, Охотникова!

Смирненно вздохнув, я придвинула к себе рукописные листки.

Это оказалось письмо, адресованное лично мне. Я удивленно взглянула на Сташевича.

Юрист пожал плечами и пояснил:

– Данный документ находился в конверте с надписью: «Вскрыть в случае моей смерти». Конверт был получен мной за две недели до смерти Елизаветы Михайловны. Отчасти он является частью ее завешания. А именно – вам, Евгении Максимовне Охотниковой, поручается

обеспечение безопасности Лазаревой Луизы Леонидовны, две тысячи тринадцатого года рождения. За весьма достойную оплату, позвольте отметить.

Сташевич бросил на меня проницательный взгляд поверх очков.

– Почему сейчас? – Вот первое, что вызвало мое законное удивление. – Лазарева убили пять месяцев назад. А мои услуги потребовались только сейчас?

– Почти шесть, – значительно произнес Сташевич.

– А-а, – сообразила я, – завещание! Наследник... или наследница должны вступить в права. Поэтому бабушка этой самой Луизы опасается за жизнь малышки.

– Вы, Евгения, как всегда, совершенно верно уловили смысл, – кивнул юрист.

– Но даже если девочка станет наследницей банкира... не понимаю, у нее же есть мать, другие родственники!

– Вот тут, Евгения, вы попали в самую точку! – Адвокат даже щелкнул пальцами. – Понимаете, там все не так просто. Семью не назовешь благополучной.

– Похоже, причина как раз в матери ребенка, – догадалась я.

– Если бы вы ее видели! – не сдержался Сташевич. – Вы знаете, я не имею привычки обсуждать клиентов... но здесь что-то из ряда вон выходящее.

На этом месте мне стало интересно. Что же за подругу жизни нашел себе покойный банкир, если она вызывает такие бурные эмоции у спокойного, точно удав, юриста, а также у его собственной матери?

– Может быть, сначала прочтете письмо? – предложил Сташевич.

Я поняла, что адвокату нужно дать успокоиться, придвинула к себе листки и погрузилась в чтение.

«Дорогая Евгения! – так начиналось послание. Я слегка опешила, поскольку не имела чести знать покойную даму. Ладно, спишем на возраст и вполне понятное эмоциональное состояние. – Обращаюсь к вам так потому, что вы – моя единственная надежда!»

Я оторвала взгляд от письма. «Помоги мне, Оби-Ван Кеноби!» Ладно, может быть, дальше будет понятнее?

«Дело в том, что я скоро умру. Я давно знаю об этом и потому говорю без малейшей горечи. После гибели единственного обожаемого сына меня ничто не держит в этом мире. Почти ничто. Моя внучка, девочка шести лет – вот единственный родной мне человек. После смерти Лёни я сделала попытку забрать малышку к себе, но мне отказали в резкой и оскорбительной форме. Я поняла, что мне никогда не дадут увидеть внучку и тем более не позволят заняться ее воспитанием. Очевидно, ее мать хочет вырастить из девочки свою копию. Я не могу этого допустить. Если Луизе вообще дадут шанс вырасти».

Тут я вновь отложила письмо. Ничего себе, какие страсти полыхают в этом семействе! Отношения свекрови и невестки – вообще отдельная тема, но тут уж что-то из ряда вон...

«Возможно, я сама виновата в том, что произошло. Я не имею в виду смерть Лёни – я говорю о его женитьбе. Я так любила своего сына, что не видела ни одной достойной его девушки. Поэтому Леонид оставался холостяком до пятидесяти лет».

Да уж, всем знаком такой тип матери-собственницы, которая не отпускает от себя взрослого сына. Иногда это приводит к неожиданным последствиям, но всегда не к тем, которые ожидала любящая мать...

«И когда Леонид наконец узнал, что станет отцом, как честный человек он связал себя узами брака с совершенно неподходящей особой».

Ну, тут все ясно – какой-то девице удалось залететь от банкира. К тому времени Лазарев потерял надежду на нормальную семью, так что с радостью ухватился за первую попавшуюся юбку, за что и поплатился.

«Разумеется, я была против этого поспешного брака, но ради ребенка пришлось принять выбор сына. У меня было одно условие – всего одно! Я просила назвать девочку в мою честь, так как знала, что скоро покину этот свет. Но и в этом мне было отказано!»

Перед глазами у меня возникло возмущенное лицо старенькой дамы, дрожащая рука, которая выводила эти прыгающие строчки.

«Эта мерзавка добилась своего, и новорожденную назвали Луизой, а не Лизой. Луизой! У нас когда-то была болонка, которую звали так. Но мой сын никогда не умел настоять на своем».

Конечно, после пятидесяти лет под каблуком властной матери...

«Я была так оскорблена, что даже не приехала посмотреть на внучку. Я никогда не видела девочку, хотя Леонид, разумеется, сообщал мне, как она растет и развивается. Ничто не предвещало беды. Но потом произошла трагедия. Мне незачем больше жить, и только мысль, что некому позаботиться о моей внучке, не дает мне спокойно сойти в могилу.

Евгения, я много слышала о вас, и только хорошее. О ваших профессиональных качествах я говорить не стану – здесь и так все понятно. Главное для меня другое. От моих друзей, на которых вы работали, я знаю, что у вас есть собственный кодекс чести. Что вы никогда не позволите причинить вред слабому. Что вас нельзя запугать и невозможно подкупить. Это и есть причина, по которой я обращаюсь именно к вам.

Евгения, спасите мою внучку! Защитите девочку, которой угрожает опасность! Если потребуется, то защитите даже от ее собственной матери.

Иосиф Сташевич наделен большими полномочиями, фактически он является опекуном малышки. Долгие годы он был другом нашей семьи. Я полностью доверяю ему и назначаю исполнителем моей последней воли.

*Не обманите моих ожиданий. Искренне ваша Елизавета Лазарева.
Ницца, число, подпись».*

Я отложила документ и посмотрела на Сташевича.

Адвокат наблюдал за мной, пока я читала.

– Письмо написано в такой форме, что я не могу отказать, – произнесла я. – Конечно, я согласна. Хотя повторяюсь – в детях я ничего не понимаю.

Сташевич просиял, видимо, у него оставались сомнения, соглашусь ли я.

– Нам стоит поехать туда немедленно.

Сташевич убрал документы в сейф и вышел сообщить супруге, что отбывает по делам.

Мы отправились на двух машинах – мой «Фольксваген» пристроился в хвост белому «Вольво».

Иосиф Леонидович был неторопливым и основательным, и водил он так же, так что я, привыкшая жить на высоких скоростях, была вынуждена постоянно притормаживать, чтобы не обгонять иномарку адвоката.

Стоя на светофоре, я постукивала пальцами по рулю и насвистывала сквозь зубы, размышляя над странным делом, в которое оказалась втянутой.

Итак, что я знаю о гибели банкира Лазарева?

Полгода назад, весенним утром, его машину обнаружили на грунтовой дороге. Дверцы машины были распахнуты, водитель исчез. Лазарев был одет, словно для выхода в свет, а убит тремя выстрелами в грудь. Это было странно – наш тихий провинциальный Тарасов давно не видел такого.

Да, в девяностые здесь постреливали, несколько раз гремели взрывы, передел собственности шел полным ходом. Но уже к началу нулевых все пришло в гармонию. Никакой криминал, помимо ручного и прикормленного, не тревожил тихую гладь провинциальной жизни, а самые опасные люди носили дорогие костюмы, и их оружием был административный ресурс, а никак не «волына с маслинами».

К тому же Лазарев был хоть и состоятельным, но все же его банк не приблизился и к первой сотне. Никакой выгоды от гибели Леонида Андреевича никто вроде бы не получил. Лазарев не был повязан ни с криминалом, ни с какими-либо «варягами» – бывало, что сторонние люди пытались зайти на территорию области, где их совсем не ждали, но таких меткими щелчками сшибал лично губернатор, не терпевший конкурентов.

Оставалось предположить убийство по личным мотивам.

На этом месте я мысленно одернула себя.

Эй, Охотникова, ты опять? Снова за старое? Не забывай, что ты больше не сотрудник отряда специального назначения «Сигма», наделенный широкими полномочиями. Ты обычный провинциальный телохранитель. И наняли тебя не для того, чтобы расследовать убийство банкира Лазарева, а чтобы обеспечить безопасность его маленькой дочери. Вот на этом и сосредоточься.

Я попыталась выбросить из головы подробности убийства злосчастного банкира. Сосредоточенно следуя за машиной адвоката, я старалась запомнить дорогу к дому Лазарева и заодно любовалась окрестностями.

А посмотреть было на что. Как-то очень быстро город остался позади. Пропали ряды унылых многоэтажек, выстроенных «в шахматном порядке», наводящие мысли о чем угодно, только не о шахматах, скорее о пчелиных ульях или спичечных коробках.

Теперь по обе стороны шоссе красовались новенькие коттеджи, а вскоре дорога привела нас в самый настоящий лес. Кроны старых дубов смыкались над узким шоссе, было темновато, мрачно и пахло прелой сыростью. Не удивлюсь, если где-нибудь неподалеку окажется самое настоящее болото. И с чего это людей тянет селиться в таких вот уединенных местах?

Коттеджный поселок возник перед нами внезапно – просто лес расступился ненадолго, и на склоне холма показалось штук пятнадцать домиков, обнесенных общей стеной.

Ну, то есть «домиками» их можно было назвать с натяжкой – то, что они выглядели игрушечными издали, не делало их менее солидными. Двух-, трехэтажные коттеджи, выстроенные по типовому проекту из темно-красного кирпича, крытые одинаковой зеленой черепицей, с похожими коваными трубами, решетками и флюгерами, для нашей провинции они обозначали «здесь проживает средний класс». Причем средний в европейском смысле слова, а вовсе не те, кто без труда дотягивает до зарплаты.

Когда мы подъехали ближе, я привычным взглядом просканировала объект.

С безопасностью все обстояло не так уж плохо. Стена была стеной без дураков – высокой, прочной, из настоящего кирпича какой-то хитрой кладки, и если издали она притворялась старинной, то вблизи становилось ясно: периметр маленького поселка надежно защищен. Дорога уткнулась в металлические ворота, над ними мигала камера видеонаблюдения, а сбоку располагался стеклянный «стакан», в котором виднелся кто-то в камуфляже.

Сташевич посигналил.

Видимо, адвоката здесь знали либо его машина была в списке, поэтому створка ворот поехала в сторону.

«Вольво» въехал на территорию поселка, а за ним прошмыгнул и мой «Фольксваген». Н-да, квалификация типа в камуфляже явно не на высоте. А если бы я была террористкой и держала Сташевича под прицелом? И тогда бы я также просто въехала на охраняемую территорию? Похоже, ответ будет «да».

Проезжая мимо «стакана», я бросила взгляд на охранника.

Это был похожий на приземистого медведя парень. В свою очередь, он прошелся по мне внимательным взглядом – точно сканером по лицу проехался. Надо будет познакомиться с ним поближе – ведь мне здесь еще работать.

Поселок выглядел так, будто кусочек Норвегии вырезали и наклеили на унылый фон тарасовской природы.

Аккуратные коттеджи, глядящие на улицу чистыми окнами, за каждым домом – гараж на две машины. Асфальтированная дорога для автомобилей, по сторонам – вымощенные плиткой тротуары, велосипедная дорожка. Каждый особняк отделен чугунной кружевной оградой. Летом ее наверняка увивает виноград, а сейчас, поздней осенью, участки просматриваются насквозь. Возле домов виднеются цветники и укрытые чем-то белым кустарники – видимо, теплолюбивые растения с трудом переносят неласковую тарасовскую зиму. В целом довольно мило, но мрачновато.

Может быть, к Новому году на домах и оградах загорятся огни иллюминации, у порогов поставят светящихся оленей и красноносых Санта-Клаусов – всю эту европейскую «муру» наш средний класс предпочитает отечественным Дедам Морозам, и тогда здесь станет повеселее...

Поселок выглядел пустынным, навстречу попался только один человек – мужик в оранжевом комбинезоне шагал по обочине, держа в руках нечто, с первого взгляда напомнившее мне гранатомет.

Я даже подобралась на сиденье, но, к счастью, не успела среагировать. Мужик приблизился, и стало ясно, что в руках у него пневматическая метла – труба, поток воздуха из которой сдувал с тротуара опавшие листья.

Наконец Сташевич остановил машину возле самого удаленного от ворот дома.

Я припарковалась, заглушила мотор и присоединилась к адвокату. Иосиф Леонидович ежился на пронизывающем ветру и потирал сухие старческие ладони. Почему-то юрист медлил заходить в дом.

– Я хотел бы предупредить вас, Евгения, – обратился ко мне адвокат, и в голосе его послышалась некоторая неуверенность.

– Предупреждайте скорее, здесь холодно, – поторопила я старика.

– Речь идет о матери девочки. Думаю, из письма Елизаветы Михайловны вы получили некоторые сведения...

– Я уже поняла, что это девица была неподходящей парой для Лазарева. Ну и что? Мне ведь предстоит охранять не ее, а девочку.

– Скорее всего, мы с вами... вы столкнетесь с противодействием со стороны этой особы, – Сташевич говорил так осторожно, словно ступал босиком по электрическим лампочкам.

– Послушайте, вы давно меня знаете! – не выдержала я. – Я далеко не маргаритка на лугу. И с этой гопницей уж как-нибудь справлюсь. Не переживайте так.

– Я вас предупредил, – в последний раз повторил Сташевич и пальцем в перчатке нажал на кнопку звонка.

В глубине дома раздалась мелодичная трель. С минуту мы терпеливо ждали, но никто не отозвался. Я слегка напряглась – в моей работе ситуация, когда никто не отзывается на звонок, трактуется однозначно – что-то здесь не так.

Но Сташевич выглядел спокойным. Юрист толкнул дверь кончиками пальцев, и та медленно открылась.

– Сколько раз я говорил этой особе, что нельзя пренебрегать безопасностью! – вскипел Сташевич.

– Может быть, никого нет дома? – предположила я.

– Где ей еще быть, – поморщился юрист. – Просто забыла запереть. У нее ребенок в доме! Но ей на все наплевать. Удивительно безответственная девица...

С этими словами Иосиф Леонидович переступил порог.

Я вошла вслед за адвокатом.

– Боже мой, Леонид был таким аккуратистом! – простонал Сташевич, но тихо, чтобы никто посторонний не услышал.

Где-то неподалеку бормотал телевизор – этот характерный звук ни за что не спутать с живой человеческой речью. Мы прошли в просторную гостиную, заставленную мягкой мебелью и изрядно захламленную. Телевизор транслировал в пустоту застекленную жизнь, не имеющую отношения к реальности.

Сташевич огляделся, пробормотал: «Пойду поищу», – и скрылся в глубине дома.

Я огляделась.

Комната, некогда обставленная по эскизам неплохого дизайнера, имела плачевный вид. Казалось, люди ушли, и покинутый дом заселили, к примеру, обезьяны.

Дорогой паркет был залит чем-то липким – я брезгливо отодвинулась и с противным чмокающим звуком отодрала от пола подошву. Все горизонтальные поверхности покрывала пыль – не то чтобы недельной давности, но дня три здесь не убирались. От стеклянной вазы с фруктами доносилось тихое жужжание, над останками бананов и яблок вились мухи.

С десятков разнокалиберных пепельниц топорщились окурками. Я отметила, что один из них еще дымился.

Тогда я заглянула за спинку дивана, развернутого к телеэкрану. На диване обнаружилась полноватая деваха в тренировочных штанах и футболке с изображением Масяни. Глаза девицы были закрыты, на животе уютно покоилась банка пива.

Я демонстративно покашляла. Никакого эффекта. Тогда я взяла пульт со столика и выключила звук телевизора.

Спящая красавица немедленно открыла глаза, рывком перешла в сидячее положение, запустила пятерню в растрепанные неухоженные волосы, зевнула и заявила:

– Сморил что-то. А вы уже приехали, что ли?

Решив, что передо мной нерадивая домработница, слегка расслабившаяся в отсутствие хозяйки, я уже хотела сказать: «Милочка, позовите госпожу Лазареву». К счастью, не успела. Потому что в комнату вошел Сташевич и воскликнул:

– Марина Эдуардовна, а я вас повсюду ищу!

Итак, передо мной была вдова банкира Лазарева.

Я во все глаза смотрела на это чудо. С тех пор как я живу в этом городе и работаю телохранителем, мне приходилось общаться с самыми разными людьми. Но чаще всего мои клиенты попадают в категорию VIP.

Разумеется, ни одна из моих клиенток не была гопницей в растянутых трениках, с облупленным лаком на ногтях и привычками пэтэушницы. Нет, не подумайте, снобизмом я не страдаю. Но такая жена просто не по чину банкиру Лазареву. Прекрасно понимаю покойную Елизавету Михайловну...

– Уже нашли, – лаконично ответила адвокату хозяйка дома.

– Где мы можем поговорить? – Сташевич огляделся.

– Да прямо здесь и поговорим. – Марина окинула взглядом просторную комнату. – Места полно. Да вы присаживайтесь, не стесняйтесь.

Ни единый мускул не дрогнул на лице адвоката, когда он уселся в пухлое кресло, но я была уверена – сегодня же его костюм отправится в чистку. Все мягкие поверхности покрывал

слоем кошачьей шерсти. Не нужно было звать на помощь Шерлока Холмса, чтобы понять – где-то в этом доме обитает здоровенный котятка, и ему позволено валяться где угодно.

Я выбрала стул почище и тоже уселась.

Госпожа Лазарева протирает сонные глаза. Внезапно, вспомнив об обязанностях хозяйки, Марина встрепелась и спросила:

– Может, хотите чего? Кофе там или чая, а? Катюха живо сделает.

– Благодарю вас, не нужно, не беспокойтесь, – поспешно отказался адвокат.

– Да я и не беспокоюсь, – усмехнулась вдова.

Я присмотрелась к ней повнимательнее. Похоже, госпожа Лазарева не так проста, как кажется на первый взгляд. Между тем Марина Эдуардовна уставилась на меня с искренним интересом – так ребенок смотрит на «киндер-сюрприз», гадая, что внутри.

– Познакомьтесь, – спохватился адвокат. – Марина Эдуардовна Лазарева. А это Евгения Максимовна Охотникова, лучший в городе телохранитель.

Вдова беззастенчиво разглядывала меня, потом перевела взгляд на адвоката и спросила:

– Я так поняла, это происки моей свекрови?

Сташевич заерзал в кресле, но голос старого юриста звучал все так же благожелательно:

– Евгения Максимовна действительно работает на меня, а я действую по поручению вашей свекрови.

– Так она ж померла, – поморщилась Лазарева.

– Совершенно верно, но перед смертью Елизавета Михайловна оставила письменные распоряжения. Я всего лишь выполняю последнюю волю покойной.

Вдова банкира скривилась:

– Она всегда меня ненавидела. Даже с того света дотянулась, никак не оставит в покое.

– Последняя воля Елизаветы Михайловны никак не ограничивает ваши права, – вкрадчиво произнес адвокат. – Все распоряжения касаются вашей дочери.

– О! – подняла палец госпожа Лазарева. – Моей, ясно вам? Я сама знаю, что с ней делать и как растить. Ты сперва сама роди, выкорми, воспитай, а потом суйся в чужие дела...

Вдова довольно агрессивно уставилась почему-то на меня, как будто именно я собиралась заниматься воспитанием ее дочери.

– Дело в том, что ваша свекровь беспокоилась о безопасности внучки, – мягко произнес юрист. – Поэтому мы здесь.

– Да все с девчонкой нормально! – вскинулась Марина. – Ест, спит, в куклы играет. От кого вы ее охранять собираетесь? – И колючий взгляд вдовы впился мне в переносицу.

Сташевич вздохнул.

Видимо, юристу не хотелось затрагивать болезную тему, но эта идиотка сама вынуждала его к этому.

– Не забывайте, ведь Леонид Андреевич погиб насильственной смертью.

Вдова громко щелкнула крышкой, открывая банку пива, сделала несколько больших глотков, как будто у нее пересохло в горле, и только потом ответила:

– Никогда не забуду.

Я с удивлением заметила слезы на ее глазах.

Неужели эта девица и в самом деле любила банкира, а не только его кошелечек?

Сташевич продолжал мягкую атаку:

– Поймите, ведь я действую в рамках законодательства.

Другими словами: «Если ты не перестанешь сопротивляться, я напущу на тебя Закон. Ты просто не представляешь, какие неприятности я могу тебе причинить, дорогая юная гопница». Очевидно, Марина сообразила, что ее позиция слаба.

В три глотка опустошив банку, Марина смяла тонкий металл в кулаке и резко встала:

– Вам нужна Луизка? Сейчас будет.

Лазарева бросила смятую банку под стол, поднесла руки ко рту, как работница на знаменитом плакате, и заорала:

– Луизка! Лу! Ты где там?

Сташевич вздрогнул и даже поднес ладонь к губам. Но никто не отозвался.

– Вот зараза, вечно прячется! – в сердцах проговорила Марина. – Пойду поищу. А то залезет куда, полдня выманивай.

Тут я решила перехватить инициативу, встала и предложила:

– Позвольте вам помочь. Давайте поищем девочку вместе.

Вдова поморгала, но не нашлась, что возразить. Дружной маленькой компанией мы отправились на поиски ребенка.

А места для поисков хватало – дом Лазаревых был просторным, с множеством комнат самого разного назначения.

Первой нам попалась бильярдная – очевидно, покойный банкир был фанатом снукера. Марина заглянула под стол, но никого не обнаружила, и мы двинулись дальше. Просторная столовая, видимо, давно не использовалась по назначению – крахмальная скатерть посерела от пыли, стулья были придвинуты вплотную к тяжелому дубовому столу, шторы на окнах наглухо закрыты, отчего в помещении царили сумерки.

Впрочем, почти такая же картина встречала нас всюду.

Слой пыли в библиотеке мог смело претендовать на рекорд как «Самый Толстый Слой Пыли В Помещении». Зато следующая комнатка оказалась вполне себе обитаемой – узкая кровать под розовым покрывалом, стопка пухлых романов в мягких разноцветных обложках, ряды косметики на прикроватном столике с зеркалом.

В этой комнате Марина даже не стала заглядывать в шкафы и под кровать.

– А, это Катюхины хоромы, – сквозь зубы процедила хозяйка.

И мы двинулись дальше.

Второе крыло первого этажа порадовало нас громадной кухней. Помещение было напичкано самой современной бытовой техникой, и оформляла его явно не Марина, а приглашенный дизайнер по интерьеру.

Я представила, как всего несколько лет назад банкир Лазарев любовно выбирал все эти сверкающие штучки и мечтал, что молодая жена будет хлопотать по хозяйству, и мне стало грустно.

Марина Эдуардовна наверняка не заглядывает сюда неделями. Нет, месяцами.

Пятачок чистого пола между плитой, раковиной и разделочным столом показывал, какая именно часть этой сверхсовременной и дорогущей кухни используется по назначению. Да, еще дорожка от двери к холодильнику указывала, где в этом доме запасы пива.

Кухню хозяйка обыскала тщательно – видимо, девочка имела привычку прятаться здесь.

Мы со Сташевичем как могли помогали.

Адвокат вытащил из кармана белоснежный платок, обернул им руку и приоткрыл дверцу чудовищного размера духовки. А я обшарила шкафы по низу, справедливо рассудив, что выше полутора метров дошкольница все равно не заберется.

– Послушайте, – не выдержал адвокат, разглядывая жирное пятнышко на отвороте своих безупречных брюк, – может быть, девочка просто в своей комнате? Почему бы не поискать ее там?

Марина откинула упавшие на лицо растрепанные волосы и распрямилась, отдуваясь.

– Нет, Луизка у себя в комнате почти не бывает, – пояснила любящая мать. – Вечно по дому шляется. Везде лезет... кстати, хочу вас предупредить, – хозяйка обратилась ко мне, – знайте, что Луизка все время врет.

– Как это? – удивилась я.

Да, знаю, дошкольники склонны выдавать за правду собственные фантазии и легко говорят неправду, чтобы избежать наказания, скажем, за расколотую чашку... но «все время»?

– Врет, как дышит, – глядя на меня до ужаса честными глазами, повторила Масыня. – Так что не верьте ни единому ее слову.

Я пожала плечами, решила, что разберусь сама, и продолжила поиски.

Кухня отняла у нас много времени, но Луизы не было и здесь.

Мы вернулись в гостиную.

Сташевич опустился в кресло и пробормотал:

– Пожалуй, я подожду вас здесь.

А мы с Мариной Эдуардовной отправились обследовать второй этаж.

Шагая по лестнице вслед за хозяйкой, я думала о том, что покойная Елизавета Михайловна была абсолютно права: до малышки в этом доме никому нет дела. Как можно потерять шестилетнего ребенка?!

Мне была глубоко антипатична и вдова банкира, и ее запущенный дом, и вообще все это дело отдавало каким-то неприятным духом. Но я не видела возможности отказаться.

Поневоле я уже успела проникнуться сочувствием к маленькой девочке, потерянной в этих грязноватых хоромах, девочке, отец которой погиб, бабушка умерла, мать была эгоистичной и равнодушной стервой.

Единственный человек, которому есть дело до малышки, – адвокат Сташевич, но что он может сделать? Придется мне принять на себя ответственность за маленькую Лазареву...

– Вот она, зараза! – радостно воскликнула Марина, открывая дверь в просторную светлую комнату на втором этаже.

Это были апартаменты девочки – розовые стены, пушистые ковры, домик Барби в человеческий рост. Именно в этом домике и спала маленькая Луиза. Девочка свернулась в клубок на полу, я видела только рыжеватую макушку и пару поцарапанных коленок.

Мать прошлась по комнате, собирая брошенные вещи – белые колготки, розовое грязное платье.

– Лу, вставай! – сердито приказала Марина.

«Лу»?!

Девочка сонно потянулась и зевнула, как котенок. Села, протерла чумазыми кулачками заспанные глаза. Уставилась на меня и беззастенчиво спросила:

– Мам, это кто?

Марина смерила меня неприязненным взглядом, прикидывая, как лучше объяснить дочери, что ее теперь будут охранять. Наконец выдала:

– Помнишь, у тебя была бабка? Ну, которая за границей? Так вот, она померла и наняла эту тетю. Она теперь будет с тобой рядом, будет смотреть, чтобы тебя кто не обидел. Ясно тебе?

Да уж, более неудачного объяснения нельзя было и специально придумать! Теперь я в сознании ребенка соотношусь с фигурой умершей бабушки, то есть превращаюсь в какой-то загробно-сказочный персонаж! Неужели эта Масыня не могла найти какие-то человеческие, нормальные слова?

Девочка во все глаза уставилась на меня. Рот приоткрылся. Маленькая Лазарева выглядела так, будто сейчас то ли заплачет, то ли описается. Я поразилась, насколько некрасивым оказался этот ребенок.

Я мало обращаю внимания на детей и, в общем-то, знаю, что не все детишки выглядят так, как те, что с рекламного плаката йогурта или шоколада. Но маленькая Лу была удивительно непривлекательна.

Мелкий чахлый сморчок неопределенного пола, понять, что это девочка, можно только по одежде. Волосы рыжеватые и редкие, свисают сосульками. Глазки маленькие, а рот большой, полный кривоватых зубов и готовый растянуться в гримасу. Из одежды на маленькой

принцессе были только замызганные трусики и розовые туфельки с облетевшими стразами, а из крошечного носа выползала сопля, что тоже не украшало наследницу. Девочка походила на мелкого зверька – мышь, к примеру, которого легко не заметить, проходя мимо.

Видимо, Луиза Леонидовна Лазарева не вызывала любви даже у собственной матери. Марина швырнула детские вещи в кресло и процедила:

– Нормальные дети спят на кровати!

Лу втянула голову в плечи.

– Ну, вы тут осваивайтесь, – бросила мне Марина, – а я пойду к Иосиф Леонидычу, а то чего он там один сидит.

И хозяйка дома скрылась за дверью.

С минуту, не меньше, мы с Луизой разглядывали друг друга. Наконец я решила, что пора наводить мосты.

– Вот что, – сказала я, присаживаясь на корточки, – давай познакомимся. Меня зовут Женя. А тебя?

– Лу, – пискнула девочка.

– Твоя бабушка очень тебя любила, она волновалась за тебя и хотела, чтобы у тебя все было хорошо. Поэтому, пока она еще была жива, дала распоряжение Иосифу Леонидовичу. Знаешь его?

Девочка кивнула.

– Так вот, я работаю на него. Я телохранитель, моя работа – защищать людей. С этой минуты я буду защищать тебя.

На лице девочки появилось сомнение. Видимо, в ее маленькой жизни на ее стороне находилась только она сама.

– Никому не дам в обиду, – пояснила я, – пусть попробуют тебя тронуть!

Девочка немного поразмыслила над этим, потом на ее лице медленно расцвела довольная улыбка. Ага, кажется, дошло.

– Ты будешь жить с нами? – поинтересовалась Лу.

– Да, рядом с твоей комнатой. Мы теперь будем вместе гулять, ездить в город. Понимаешь?

– Ты моя новая мама? – деловито поинтересовалась маленькая Лазарева.

Я закашлялась. Как бы доходчивее объяснить?

– Нет, мама у тебя одна. А я буду тебя охранять.

– Тогда тебе надо быть осторожной, – понизив голос, произнесла дошкольница.

– Осторожной?

Луиза покосилась на дверь, потом поманила меня. Я придвинулась ближе. Дыша мне в ухо ароматом сосательных конфет, девочка прошептала:

– Тут живет ведьма. Она может тебя съесть.

Я слегка отодвинулась и уставилась на малышку.

Может быть, у ребенка не в порядке с головой? Или для шестилетней девочки говорить такое вполне нормально?

Эх, Охотникова, как бы сейчас пригодился тебе хотя бы минимальный родительский опыт...

– Меня? – улыбнулась я. – Да я сама кого хочешь съем! Пусть только попробует!

Девочка довольно кивнула и продолжала свои страшилки:

– Знаешь, а еще в лесу есть зомби.

– Кто? – переспросила я, опасаясь, что не расслышала.

– Зомби. Ну, знаешь, как в кино. «Ночь живых мертвецов».

Что это за мамаша разрешает такой маленькой девочке смотреть кровавые ужастики?

– Это все? – деловито спросила я.

Девочка доверительно потянулась ко мне. Я достала платок и утерла нос наследнице Лазарева.

– Еще медведь, – еле слышно сообщила малышка.

– Медведь?!

– Папа говорил, если я плохо буду себя вести, он придет и меня съест.

Я почувствовала, как дрожит хрупкое тельце девочки. Ну, все! Конец моему терпению! Что творится в этом доме? Больше маленькая Луиза не будет трястись от страха. Теперь есть кому о ней позаботиться.

Я приблизила губы к уху девочки и прошептала:

– Знаешь, у меня есть пистолет. Настоящий. Пусть твой медведь приходит. Посмотрим, кто кого.

В этот момент я еще не догадывалась, что ждет меня впереди, но одно знала точно: Луизу Лазареву я в обиду не дам.

Глава 2

Вот так я приступила к своим обязанностям. Сташевич распрощался – как мне показалось, с глубоким облегчением – и уехал, а мы остались наедине с Мариной.

– Вот что, – сказала мне хозяйка, едва стих шум мотора машины адвоката, – хочу, чтобы вы знали. Моя свекровь навязала ваши услуги, тут я ничего не могу поделать. Но имейте в виду – долго вам тут не работать. На днях оглашение завещания моего мужа. Я стану полноправной хозяйкой всего, по закону. И тогда вы отсюда уберетесь, чтоб духу не было.

– Я тоже уверена, что мы сработаемся, Марина Эдуардовна, – приветливо улыбнулась я.

Контролировать эмоции – первое, чему нас учили в «Сигме». И второе – быть профи высокого класса. Поэтому, как бы я ни относилась к вдове Лазарева, работу свою я выполняю как следует.

– Ну? Что вам нужно? – нелюбезно спросила хозяйка.

– Совсем немного. Думаю, вас не затруднит выделить мне комнату для проживания – желательно рядом с комнатой вашей дочери. Мне необходимо знать ваши планы как на ближайшее время, так и на каждый день. Если вы собираетесь выезжать в город, планируете прогулки или визиты гостей, ставьте меня в известность. Насколько надежен ваш автомобиль? Вы выезжаете с шофером или возите девочку сами? Также меня интересует система безопасности поселка, и в особенности вашего дома. Есть ли здесь тревожная кнопка? Пожарная сигнализация? Защита от взлома и проникновения? Какое охранный предприятие осуществляет защиту вашего дома?

Марина Эдуардовна во все глаза таращилась на меня. К нижней губе прилипла незажженная сигарета.

– Мне нужно знать, кто занимается вашей дочерью. У Луизы, очевидно, есть няня? Учитель, который готовит девочку к школе? Личный врач? Сколько человек проживают в доме, как долго эти люди работают у вас?

Лазарева опомнилась, смяла в кулаке сигарету и резко произнесла:

– Да, я подозревала, что вы станете головной болью, но что так...

– Марина Эдуардовна, я всего лишь хочу качественно выполнить свою работу, – подчеркнуто корректно сказала я.

Мне показалось, что Лазарева готова сказать мне откровенную грубость. Обычно я не позволяю клиентам переходить эту черту, но, учитывая особенности личности вдовы, для нее можно сделать небольшое исключение... однако лучше расставить все точки над нужными буквами сразу.

– Кстати, вам вовсе не обязательно вводить меня в курс дела самой. Я ведь понимаю, как вы заняты, – я постаралась убрать с лица малейший намек на улыбку. – У вас ведь есть домработница?

– А, да, – с видимым облегчением ответила Марина. – Домоправительница. Только ее сейчас нет. Я ее отпустила по магазинам прошвырнуться.

– А няня девочки?

– У Мариванны внук заболел, – отмахнулась Марина. – Поехала проведать.

Так, похоже, о ребенке некому позаботиться...

– Заболел? – переспросила я. – И чем же?

– Ветрянка, что ли, – равнодушно ответила Марина.

Ничего не понимаю в детских болезнях, но, кажется, ветрянка – крайне заразное заболевание? Впрочем, матери виднее.

– Так что, Луиза сейчас совсем одна?

– Почему это одна? – обиделась Марина. – С матерью. Да и вы тут. Так что приступайте.

И я приступила. Оставив вопросы безопасности на потом, я решила заняться ребенком.

Луизу я нашла там же, где оставила, – девочка сидела в домике и сосредоточенно елозила одной куклой по другой. Отбросив нехорошие ассоциации, я предложила девочке показать мне комнату.

Луиза с готовностью отбросила Кена и Барби и принялась демонстрировать свои владения. Если бы я была хоть чуточку сентиментальной, то к концу экскурсии на глазах у меня стояли бы слезы. А так я испытывала только жгучее желание высказать Марине все, что я думаю о ней в роли матери.

Постельное белье на кровати малышки оказалось грязным. Некоторые игрушки сломаны, но никто не позаботился починить их или выбросить.

В углу стояло маленькое белое пианино, но девочка не умела на нем играть – откинув крышку, она постучала коротенькими пальцами по клавишам, выдав кошмарную какофонию. Зимний садик засох. Рыбки в аквариуме были, но некоторые плавали кверху пузом.

Я стиснула зубы.

Вдобавок в комнате было ощутимо прохладно – на дворе ноябрь, а отопление в доме еле тянет.

Когда я дотронулась до девочки, она показалась мне холодной, как лягушонок.

– У тебя есть теплая одежда? Покажи мне свои наряды, – попросила я.

Луиза просияла, подбежала к огромному двустворчатому шкафу и распахнула дверцы. Да уж, чего тут только не было! Платица из органзы, коллекция туфелек, пижамы, шубы, лыжный комбинезон...

Проблема в том, что все эти вещи были Луизе малы. Очевидно, девочка подросла за последние полгода, прошедшие со дня гибели ее отца.

– Это мне папочка купил! – простодушно похвасталась девочка.

Я разыскала фланелевую пижамку со слоником на попе и кое-как натянула на малышку. Пушистые носки пришлись впору. Прозрачная дверь вела в маленькую ванную, под стать голливудской диве-лилипутке. Маленькая душевая кабина, крошечная ванна, зеркало в половину стены и столик, заваленный детской косметикой.

Для начала я, поборов брезгливость, умыла наследницу и утерла не слишком свежим полотенцем.

– Во сколько ты обедаешь? – задала я вопрос и тут же спохватилась – вряд ли малышка умеет определять время. Но это и не понадобилось, потому что Луиза весело сообщила:

– А когда захочется! Пошли на кухню, поищем бананов.

– Давай лучше спросим у мамы.

– Зачем? – изумилась девочка.

Но я все-таки обратилась к Марине, сидевшей перед телевизором и болтавшей по телефону.

– Няня еще не приехала? Девочка голодна.

– Ой, да возьмите там чего-нибудь, – отмахнулась хозяйка, – она сама знает. – И Марина вернулась к разговору: – Нет, ну ты представляешь, прямо в дом притащил! Такая наглость! Ну, уж я ему высказала.

Поняв, что толку не добиться, я отправилась на кухню. Девочка, точно мартышка, повисла на дверце холодильника, открыла, вытащила с нижней полки гроздь довольно усталых бананов, очистила один и принялась есть. Утолив голод, малышка потянулась и капризно протынула:

– Мультки хочу!

Осознав, что мои познания в родительском деле крайне скудны, и я не знаю, что еще делают с маленьким детьми после того, как их умоют, оденут и накормят, я капитулировала.

Отведя Лу в ее спальню, я проверила, крепко ли запираются окна. Тем временем малышка включила громадный телевизор и уселась смотреть мультфильм про Бэмби.

Мне часто говорили, что я беру на себя слишком много. Мое дело – охрана. Я выполняю свои обязанности на совесть. Никто пока не жаловался. Но почему-то так получается, что клиенты становятся для меня не просто людьми, которые платят деньги за хорошо выполненную работу.

Получается так, что я вмешиваюсь в их жизнь, решаю проблемы, мирю поссорившихся супругов, предотвращаю самоубийства подростков, расследую убийства и делаю другие не входящие в круг моих обязанностей вещи. Вот только в роли Мэри Поппинс я не попробовала себя ни разу.

Я уже поняла, что с матерью девочки у меня возникнут проблемы, хотя Сташевич преувеличил их значимость.

Марина Эдуардовна не является моим клиентом, и мне достаточно соблюдать элементарную вежливость, а выполнять свои обязанности я буду так, как считаю нужным.

Марина Эдуардовна не вызывала у меня ни малейшей симпатии и даже простого уважения. Не знаю, хорошей ли женой она была банкиру Лазареву, но мать из нее никакая.

Права была Елизавета Михайловна...

Девочка прилипла к телевизору. Лу отвлеклась только для того, чтобы взять пачку чипсов. Не отрывая глаз от экрана, малышка хватала горстями вредную еду и запихивала в рот.

Часа через полтора приехала няня – пожилая тетка в спортивном костюме, такая полная, что еще немного – и было бы две Мариванны.

Войдя в комнату девочки, няня уставилась на меня.

Видимо, Марина забыла предупредить.

– А вы это... кто будете? – наконец спросила Мариванна.

– Телохранитель. Буду приглядывать за Луизой.

Няня вытаращила глаза:

– Это от кого же ее надо охранять-то?!

Я решила не вступать в дискуссии. Оставив Лу на попечение няни, я отправилась изучать периметр.

Осмотрела дом снаружи, поднялась на крышу. Проехалась до ворот, познакомилась с охранником. Звали его Игорек. Он так и представился: «Я Игорек». Как будто не здоровенный детина в камуфляже, а малыш, друг Карлсона.

Поздним вечером того же дня я стояла у окна и наблюдала, как катится по небу луна, то прячась в тучах, то освещая зловещим светом верхушки ближнего леса.

Что там говорила маленькая Лазарева? В лесу водятся медведи? И еще, кажется, зомби?

Н-да, на редкость зловещая местность.

Из леса выползал туман, клочьями повисал на деревьях. Какая-то птица монотонно кричала. Может, сова? Кому еще не спится по ночам, кроме меня? В птичках я понимаю еще меньше, чем в цветочках.

Луиза давно спала.

Не знаю, во сколько просыпаются дети, но, думаю, рано.

Няня не смогла ответить мне на простой вопрос и отмахнулась довольно небрежно: «Луиза? Да она поднимается когда захочет. То так, то этак».

Эти слова можно было назвать девизом этого несуразного дома.

Ничего, что первый блин вышел не слишком удачным.

Завтра я постараюсь сделать жизнь моей подопечной немного более предсказуемой и упорядоченной.

Звонок моего телефона ударил по нервам. А голос в трубке заставил меня поморщиться. Хотя голос был вполне приятным – хриловатый такой, стильный.

– Я был очень огорчен сегодня. Расстроен. Да, расстроен и огорчен, – сообщил мне собеседник. – Я ведь заказал столик в ресторане. В «Улитке». Твой любимый столик у окна. Ждал весь вечер. А ты не пришла. И вдобавок выключила телефон. Как это понимать?

– Слушай, Кристобаль, извини, – я хлопнула себя по лбу.

Совершенно вылетело из головы, что на этот вечер у меня был запланирован романтический ужин.

– У меня срочная работа. Совершенно неожиданно появился один юрист, с которым в прошлом... неважно, главное, я занята и буду занята еще неопределенное время.

– Но ты могла хотя бы предупредить меня, – обиженно проговорил мужчина. – Я просидел там весь вечер как дурак.

– Слушай, я же извинилась, – огрызнулась я, начиная потихоньку закипать. Ненавижу, когда мужчины ведут себя как дети. Материнский инстинкт у меня отсутствует напрочь. – Телефон я отключила, потому что не хотела будить ребенка.

– Ребенка? – изумился Кристобаль. – Какого еще ребенка?

– Тебя это совершенно не касается. Это работа, – отрезала я. – Помнишь, я предупреждала тебя в самом начале наших отношений, что так может случиться. Мне придется неожиданно уехать. Вот, это и есть, так сказать, страховой случай.

– Какой случай? – переспросил герой-любownik.

Интеллект не был его сильной стороной.

Я вздохнула и сказала:

– Забудь. Все, что тебе следует знать – сейчас я занята. Когда буду свободна, позвоню. Не скучай.

– Знаешь, еще никто так со мной не поступал, – оскорбленно произнес Кристобаль. – Я имею в виду женщины. Со мной так нельзя.

Я прервала связь и только потом сказала: «Можно».

Кристобаль был ошибкой, о которой я уже пожалела. Мы познакомились в танцевальном классе на пробном уроке танго.

Вообще-то обычно мои траектории пролегают далеко от танцклассов, но тут не иначе вмешалась судьба. Предположительно хромая.

Начиналось все так хорошо...

Два месяца назад я скользила по зеркальному паркету, а мою талию обхватывала рука красавца-брюнета с романтичным именем Кристобаль Перейра.

Конечно, никакой он был не Перейра. Но собственное имя, очевидно, казалось ему неподходящим для мастера аргентинского танго.

Жена моего друга Сереги, Иришка Коваль, решила после родов вернуть себе былую спортивную форму – и надумала заняться танцами. На первое занятие Ира уговорила пойти меня – просто за компанию, ну, и чтобы страшно не было.

Хотя чего ей бояться – в прошлом выпускнице интерната номер шесть, угонщице элитных тачек...

В общем, там был этот тип, Кристобаль. Давал уроки аргентинского танго одиноким теткам, которые вообразили, что достаточно надеть черно-красную юбку и взять розу в зубы – и вот ты уже Кармен.

Несмотря на отличную физподготовку, с танцами я не слишком дружу.

На первом занятии я оказалась ненамного лучше любой толстухи-домохозяйки. А я ненавижу чувствовать себя неудачницей.

Во мне проснулись спортивная злость и врожденное упрямство.

Нет, я смогу! Буду не хуже других. Только надо стиснуть зубы и как следует потренироваться!

Да и Кристоаль настаивал, что мне просто необходимо взять еще несколько уроков. У меня, мол, истинный талант, и зарывать его в землю просто преступление.

Неожиданно для самой себя я согласилась.

У меня образовался перерыв в работе, появилось свободное время, и я решила посвятить его танцам.

Кристоаль – совершенно не мой типаж, но я ценю профессионализм в любом деле. Невозможно было не признать, что господин Перейра – истинный маэстро в своем искусстве.

А дальше, как говорят у нас в Тарасове, завертелось-понеслось.

Тут как раз тетушка Мила уехала во Владивосток, и я сама не заметила, как Кристоаль вселился в мой дом. С его появлением в мою жизнь вошел новый мир танца. Я лишь слегка заглянула в него.

Работа слишком важна, занимает девяносто процентов меня... а иногда все сто!

Тем более при ближайшем рассмотрении человек не так мил, как при первой встрече.

Кристоаль не блистал умом, ничем не интересовался, целыми днями валялся на диване в ожидании меня и читал идиотские книжки про *попаданцев*.

Я не рассчитывала на длительные отношения – для меня это был просто минутный каприз. Но мой партнер по танцам, смотрю, всерьез обиделся, когда я дала ему отставку. Кстати, временную. Но если так пойдет и дальше, она станет постоянной!

Когда так поступают мужчины: «Извини, дорогая, я должен работать, ты же хочешь ту шубку, что мы видели в витрине?» – это нормально, а если женщины, так сразу «стерва»...

Ладно, Охотникова, пора спать. Завтра важный день.

Дело в том, что завтра истекал полугодовой срок после смерти Леонида Лазарева.

Именно в этот день должно было состояться открытие его завещания. Сташевич предупредил меня, что будут необходимы повышенные меры безопасности.

Марина Эдуардовна тоже осознавала важность предстоящей процедуры. Хозяйка дома привела в порядок волосы и надела красное платье, видимо, пылившееся в шкафу с прежних времен – оно было ощутимо узко ей в талии.

Кроме того, Марина дала распоряжение няне искупать и одеть девочку.

За завтраком Луиза куксилась и болтала ложкой в чашке с хлопьями, забрызгала молоком стол и получила нагоняй от нервной матери. Мне показалось, что лицо у девочки бледноватое.

Марина удивилась, узнав, что я собираюсь сопровождать их с дочерью к адвокату.

Видимо, Лазаревой казалось, что я стану выполнять свои обязанности так же, как и все в этом доме, – спустя рукава. Поняв, что от меня не отвязаться, Машенька пожала плечами и дала подзатыльник дочери – просто так, на всякий случай. Я подавила рефлексный порыв сломать ей руку.

Шофер, полный дядька средних лет, подогнал к дверям дома машину, и госпожа Лазарева с дочкой уселись на заднее сиденье. Я села впереди. Всю дорогу Луиза молча таращилась в окно, расплющив по стеклу крохотный нос, а Марина нервно курила.

Иосиф Леонидович ожидал нас в своей конторе, в старинном чистеньком особнячке на тихой улице в историческом центре.

Адвокат был свеж, подтянут и моложав. Казалось, Сташевич получал удовольствие от происходящего.

Ну, разумеется, юрист был знаком с содержанием документа, который предстояло огласить – ведь он сам его заверял. Посторонних в конторе юриста не было, только благообразная немолодая секретарша.

Сташевич приветствовал гостей, проводил в свой кабинет, усадил в кресла.

Луизе были вручены цветные карандаши и бумага – видимо, адвокат нечасто имел дело с детьми. Девочка не обратила на рисовальные принадлежности ни малейшего внимания.

Некоторое время Лу болтала ногами, стараясь посильнее стукнуть по обивке кресла, потом вытребовала у матери телефон и погрузилась в какую-то игру.

Зато никто не мешал юридической процедуре.

Марина мрачно смотрела на адвоката.

Сташевич извлек из сейфа запечатанный конверт и вскрыл его на наших глазах.

Марина облизнула накрашенные губы и часто задышала. Момент был драматический, нельзя не признать.

Сташевич картинно помедлил, прежде чем развернуть извлеченную из конверта бумагу. Наконец пожилой юрист поднес к глазам завещание покойного Леонида Лазарева и принялся читать.

Говоря коротко, все свое состояние Лазарев завещал дочери, а опекуном назначил адвоката Иосифа Сташевича.

Марина получила весьма щедрое содержание, но только до тех пор, пока не выйдет замуж. Причем Луиза становилась наследницей не только отца, но и бабушки.

Елизавета Михайловна была весьма состоятельной дамой, и ее деньги, а также недвижимость, включая дом в Ницце и несколько автомобилей, коллекцию ювелирных украшений и старинных камней – все это переходило к Луизе.

Когда Сташевич закончил читать, мы все как по команде уставились на девочку.

Наследница сидела, болтая ногами и, высунув кончик языка, сосредоточенно руководила жизнью нарисованного кота.

– Вы заранее знали, так? – хрипло спросила Марина, с ненавистью глядя на адвоката.

Сташевич поддернул белоснежную манжету рубашки, выдержал паузу и с достоинством ответил:

– Разумеется, я помогал Леониду Андреевичу в составлении этого документа. Точнее, консультировал.

Юрист выдержал еще одну паузу – на этот раз очень долгую.

Молчание в комнате сделалось раскаленным.

– Так что, если вы полагаете оспорить завещание вашего мужа, не тратьте понапрасну время.

Мне показалось или в голосе Сташевича звучало неприкрытое злорадство?

Вдова резко встала:

– Я найму лучших законников этом городе. Мы оспорим завещание.

– Лучший законник в этом городе перед вами, – ласково глядя на вдову, произнес Сташевич. – Деточка, не тратьте время. Примите последнюю волю вашего мужа как данность. Живите спокойно, наслаждайтесь жизнью. Растите дочку.

Марина опустила в кресло.

– Я знаю, что вы обо мне думаете. «Да кто она такая? Что о себе воображает? Она никто, просто гопница, которой посчастливилось подцепить банкира на одну ночь и счастливо забеременеть в эту единственную встречу!»

Вообще-то именно так все вокруг и думали. Я удивилась, насколько точно Марина высказала наши общие с адвокатом мысли.

Госпожа Лазарева в упор смотрела на адвоката.

Было видно, что в ее мозгу происходит непривычная сложная работа.

Вдова пытается придумать, как обойти закон и найти выход из катастрофической ситуации. Хотя почему же катастрофической?

Покойный банкир назначил Марине весьма солидное содержание.

На эти деньги она сможет вполне благополучно жить до конца своих дней, а до этого момента еще очень далеко.

Сколько лет Марине? Двадцать четыре – двадцать пять, никак не больше.

Другая на ее месте была бы довольна, что больше не нужно ни о чем волноваться – живи себе, радуйся, расти дочку, именно это и посоветовал многоопытный Сташевич.

Но нет – Марине хочется большего.

Один раз она уже вытащила счастливый билетик и теперь не намерена выпускать его из рук – даже если ради этого придется судиться с родной дочерью. А может быть, не только судиться? Если с маленькой Лу что-нибудь случится, кто унаследует ее деньги? Конечно, наследник первой очереди – родная мамочка. Марина не любит дочь, это видно даже мне, постороннему человеку...

Конечно, трудно представить, чтобы Лазарева рискнула причинить вред малышке Лу. Все-таки жизнь не кино. И тем не менее покойная Елизавета Михайловна наняла меня для защиты девочки. Может быть, она предвидела именно такой вариант развития событий?

– Мам, я устала. Мам, поехали домой, – заканючила Луиза.

Умытая, причесанная, одетая в чистое, хоть и тесноватое платье, девочка все равно выглядела на редкость несимпатичным ребенком.

– Заткнись, – не глядя на малышку, бросила Марина.

Вдова не отрываясь смотрела на адвоката.

Иосиф Леонидович слегка занервничал под ее тяжелым пристальным взглядом. И я его прекрасно понимала – кто знает, какая глупость взбредет в голову этой не слишком умной девице. Еще надумает нанять дешевого киллера. А что?

Марина проводит полжизни перед телевизором. В телесериалах такой поступок выглядит естественным и логичным, а другого учебника жизни у вдовы нет.

Иосиф Леонидович терпеть не может Лазареву.

Он видит ее насквозь – жадность, глупость, эгоизм, темные мыслишки. Если Сташевича не станет, с другим юристом Марина как-нибудь договорится.

Кажется, Иосиф Леонидович прямо-таки прочел мысли вдовы.

Адвокат поспешно сказал:

– Кстати, хочу вас предупредить – я человек пожилой, должен предусмотреть и неприятные варианты. Так вот, моим преемником назначен весьма знающий юрист, мой друг. Он моложе меня на двадцать пять лет, так что статус-кво сохранится вне зависимости от того, кто будет опекуном Луизы Леонидовны.

Не думаю, что Марина Эдуардовна знала значение выражения «статус-кво», но одно она поняла ясно – в этом кабинете ей ничего не светит. На первом этапе война проиграна. Но это не значит, что нельзя вести партизанские действия. Сташевич лучший, но не единственный в городе юрист. Можно нанять каких-нибудь ушлых ребят, для которых закон – просто поле игры. С деньгами Марины можно многое, в том числе устроить Сташевичу крупные неприятности.

Марина улыбнулась и встала.

– Лу, идем отсюда.

Малышка послушно сползла с кресла и взяла мать за руку.

Сташевич доброжелательно попрощался с девочкой.

На пороге Марина обернулась и бросила адвокату через плечо:

– Мы еще встретимся.

– Нисколько не сомневаюсь, – слегка поклонился Иосиф Леонидович, едва заметно улыбаясь.

На Лазареву его улыбка подействовала как красная тряпка на быка, вдова дернула дочку за руку так, что девочка едва не упала, и пулей вылетела из конторы.

– Евгения, я вам позвоню, – сказал мне вслед адвокат.

Когда мы сели в машину, Марина Эдуардовна, ни на секунду не задумываясь, приказала шоферу:

– Езжай в центр.

«Центром» в Тарасове называется историческая часть города. Когда-то, возможно, здесь и правда был центр города, но сейчас на карте Тарасов представляет собой неровную кляксу, и где у нее центр, не знает никто. Но название сохраняется.

Лазарева велела остановить машину у «Макдоналдса», заказала для дочери бургер, картошку и колу, а сама вышла на улицу и достала телефон.

Интересно, кому звонит вдова спустя пятнадцать минут после оглашения завещания мужа?

Луиза жадно съела гамбургер, потом принялась за картошку.

Брр, и все это запивается ледяной колой!

Будь я матерью этого ребенка, ни за что не стала бы кормить этой мусорной едой. Но меня никто не спрашивает, остается только смотреть, как ребенок запихивает в себя остывшую картошку.

Марина прохаживалась вдоль окна, у которого мы сидели.

Вдова с кем-то увлеченно беседовала по телефону. Причем при разговоре Лазарева прикрывала рот рукой, как будто боялась, что я прочту по губам.

Кстати, она правильно опасалась – считывать с губ я умею.

Ох, не нравится мне происходящее! Не нужно быть великим математиком, чтобы сложить два и два и получить предсказуемый результат: у Марины Эдуардовны кто-то есть.

Иначе почему вдова так негативно отреагировала на завещание? Причина может быть только одна – в случае замужества Марина лишается содержания. А денег Лу ей и так не видать – до совершеннолетия девочки ими заведует Сташевич, а когда Луизе исполнится восемнадцать, думаю, она сама будет в состоянии распорядиться капиталами.

И любящей мамочке здесь точно ничего не светит.

Вдоволь наговорившись, Марина вернулась за дочкой.

После разговора Лазарева слегка успокоилась и повеселела, видимо, вдвоем с сообщником уже разработала какой-то план. Зато Луиза всю дорогу капризничала и ныла.

Уже на подъезде к коттеджному поселку девочка вдруг резко побледнела, и ее вырвало прямо матери на колени. Обивка сиденья, платье Марины – все было испорчено.

Лазарева дала дочери такой подзатыльник, что голова девочки мотнулась вперед, и ребенок едва не ударился о спинку переднего сиденья.

– Свинья! Посмотри, что ты наделала! – кипятилась Марина.

Лу только тоненько подвывала.

Шофер косился на хозяев в зеркало, пытаясь на глаз определить ущерб, нанесенный автомобилю. Наконец проехали стеклянный «стакан» с охраной.

Едва мы затормозили у дверей, Марина выскочила и принялась бумажными салфетками оттирать платье.

Я выбралась наружу, открыла заднюю дверцу, подхватила хнычущую девочку на руки и понесла в дом.

– Мамочка, мне уже лучше, – пробормотала Луиза.

Девочка действительно выглядела не такой бледной. У меня все внутри кипело.

Нельзя, ну, нельзя кормить маленького ребенка такой гадостью!

Поднявшись в комнату девочки, я обнаружила, что няня Мариванна снова отсутствует. На вопрос, куда запропастилась женщина, мне ответили, что та отпросилась навестить внука.

Стиснув зубы, я привела ребенка в порядок – умыла (кажется, у меня стало получаться намного лучше), передела в чистое.

Тут в комнату ворвалась Марина.

Хозяйка успела сменить испорченное платье.

Оглядев апартаменты дочери, Лазарева поморщилась – с утра здесь было не прибрано, на ковре валялись игрушки, кровать не застелена, на полу шкурка от банана.

– Где эта дура нянька? – недовольно спросила меня Марина.

– Поехала навестить внука, – честно ответила я. – Марина Эдуардовна, я знаю в нашем городе отличное агентство по подбору персонала, может быть, стоит обратиться туда и...

– Не лезьте не в свое дело, – оборвала меня Лазарева. – Думаете, я не знаю, зачем законник вас ко мне приставил? Думаете, я поверю в эту фигню – охрану моей дочери? Кто вообще в здравом уме поверит, что Лу нужна охрана?

– И зачем же, по-вашему, я здесь нахожусь? – подчеркнуто вежливо поинтересовалась я.

– Чтобы шпионить за мной, вот зачем! – торжествующе выдала хозяйка. – Он ведь меня терпеть не может, этот старик. После смерти Лёни он вообще на меня взелся. Что я ему сделала, а?

Лазарева похлопала покрашенными ресницами.

При полном параде она нравилась мне еще меньше, чем без макияжа. Обычно вид у Марины Эдуардовны был просто неухоженный, а в праздничном варианте – откровенно вульгарный. И где Леонид Лазарев умудрился повстречать эту девицу?!

– Но раньше Сташевичу хотя бы ко мне в дом ходу не было. Лёня никогда его сюда не приглашал, всегда по делам ездил в контору. А после его смерти законник к нам зачастил. И чего ему от нас надо? Почему он не может оставить нас с Луизкой в покое? – тоскливо протянула Марина.

Я могла бы ответить, что Сташевич выполняет волю Елизаветы Михайловны и беспокоится о малышке, но промолчала. Я телохранитель. А если Марине Эдуардовне нужна психологическая помощь, пусть идет к психотерапевту, благо в нашем провинциальном Тарасове их несколько десятков, не меньше.

– А теперь мне в собственном доме покоя не будет, – зло бросила Лазарева. – Так что обойдусь без ваших советов.

Тут взгляд госпожи Лазаревой упал на Луизу.

Девочка сидела на полу и вдумчиво ковыряла в носу.

Вид у малышки, честно сказать, был довольно противный.

С полуоткрытым ртом девочка выглядела просто слабоумной. А может, у ребенка попросту аденоиды?

Девочка и так раздражала мать, а сейчас Марина вышла из себя без всякой причины. Впрочем, причина была – завещание, которое часом раньше зачитал Сташевич.

– У-у, зараза!

Лазарева приблизилась к дочери и уже занесла руку для привычного удара...

Я перехватила ее приемом, который использую для таких случаев – ничего особенного, выглядит прилично, однако, если попытаешься вырваться, вывихнешь себе сустав.

Марина Эдуардовна побагровела.

– Вы чего себе позволяете! – прохрипела хозяйка. – Ты кто такая, блин?

Фальшивые хорошие манеры – самая непрочная вещь на свете.

– Телохранитель вашей дочери, – довольно жестко ответила я. – Ее безопасность – приоритет. Если понадобится, я защищу ее от любого, кто захочет причинить ей вред. Даже от вас.

Марина тяжело дышала. Взгляд ее мог прожечь дыру в обшивке космического корабля, точно лазер.

Луиза смотрела на нас с интересом.

– Да, и еще: подчиняюсь я не вам, платите мне не вы, и отчитываюсь я тоже не перед вами.

Вот теперь я сказала все, что хотела. По телу молодой женщины прошла дрожь, Лазарева закусила губу и опустила взгляд. Все, счет один-ноль в мою пользу. Как обычно.

Теперь Марина не поднимет руку на девочку, по крайней мере, в моем присутствии.

Марина вырвала руку, разумеется, когда я это позволила, и пулей вылетела из комнаты.
– Катя-а! Катю-ю-ха-а! – донесся снизу ее зычный голос.

Ну, совершенно как в лесу! Впрочем, меня это не касается.

Катюха, которую звала хозяйка, была домоправительницей.

На мой взгляд, девица была слишком молода для такой должности. В хозяйстве она не слишком понимала, зато умела подольститься к хозяйке. Обслуга в доме побаивалась и ненавидела фаворитку, но возражать не смела.

Вчера, дождавшись возвращения домоправительницы с затянувшегося шопинга, я обратилась к ней с просьбой провести генеральную уборку в комнате Луизы.

Полог у постели был откровенно пыльным, окна грязными.

Судя по всему, Луиза привыкла к этому образу жизни, но ведь нельзя держать ребенка в таких условиях!

Похожая на кошечку Катя вскинула сделанные в салоне густые брови и выдала:

– Вы мне не указывайте. У меня хозяйка есть. Когда она скажет *генералить*, тогда будем убираться. А пока идите, делайте свою работу, а я свою.

Я решила, что, скорее всего, Катерина – одна из «подружений» Марины Эдуардовны, и та после свадьбы пристроила ее на непыльную должность. Наемный работник не позволил бы себе так нахально хамить мне.

Не прошло и десяти минут, как взвизгнули тормоза, и из гаража на хорошей скорости выехала розовая машинка.

Госпожа Лазарева отбыла по делам.

Я повернулась к Луизе.

Девочка по-прежнему сидела на полу, опустив почти в колени зареванную мордашку.

– Эй, Лу! – позвала я.

Маленькая миллионерша подняла на меня полные слез глаза.

– Я не буду плакать, – проговорила девочка. – Мне нельзя плакать. А то придет медведь и меня съест.

– Пойдем-ка погуляем, – предложила я.

Луиза улыбнулась, демонстрируя отсутствие двух передних зубов, и с готовностью бросилась одеваться. Кое-как мы собрались на прогулку.

Я подумала, что девочке будет полезнее подышать свежим воздухом и поискать новых впечатлений, чем торчать в душной комнате.

На улице дул пронизывающий ветер, сметая остатки опавших листьев. Поселок выглядел безлюдным – видимо, днем все его обитатели отправлялись в город по делам, а возвращались к вечеру. Навстречу нам попался только уже знакомый мужик в форменном комбинезоне с пневматической трубой в руках.

Луиза семенила рядом, держась за мою руку. Мы дошли до ворот, помахали Игорьку и вышли за стену. Впереди синел лес, и девочка определенно тянула меня в ту сторону.

Малышка без умолку рассказывала о гномах, которых своими глазами видела летом на полянке.

Я решила немного прогуляться по дороге и вернуться в тепло минут через пятнадцать. Понятия не имею, сколько можно гулять с шестилетним ребенком.

У меня зазвонил телефон. Я сняла перчатку и приняла вызов:

– Охотникова.

– Евгения? У вас все в порядке?

Это был Сташевич.

Иосиф Леонидович казался непривычно возбужденным.

Я слегка занервничала – обычно юрист отличался завидным хладнокровием.

– А что у нас может случиться? Все в норме. Вот вышли на прогулку. Ситуация под контролем.

– Я имел в виду лично вас, – пояснил адвокат. – У вас все нормально?

Вот тут я удивилась. С тех пор как мне исполнилось восемнадцать – а надо признаться, это было давно, – никто не беспокоился обо мне. И не потому, что я так уж одинока или меня окружают сплошь черствые люди. Просто я привыкла сама справляться с проблемами.

– Рад это слышать. Я знаю, что на вас можно положиться, Евгения, но все-таки вы там поглядывайте...

– Ладно, Иосиф Леонидович, я удвою бдительность, раз вы так беспокоитесь, – сказала я наконец, мечтая прекратить бесполезный разговор.

Лу тащила меня вперед, как маленький и упорный оранжевый трактор. Мы уже почти дошли до леса.

– Расскажите, как Марина Эдуардовна перенесла оглашение завещания, – юрист перевел разговор на другую тему.

– А, вполне предсказуемо. Послушайте, вы не думаете, что она возьмет и натворит каких-нибудь глупостей? Мне кажется, у нее на уме какая-то гадость.

Я покосилась на Лу, но девочка не слушала.

– Не волнуйтесь, Евгения, у меня все под контролем, – усмехнулся адвокат. – Что бы там ни придумала эта женщина, у меня предусмотрен ответ на каждый ее предполагаемый ход.

– Тогда до встречи.

Я попрощалась и прервала связь.

Сташевич вел себя странно.

Может быть, адвокат просто стареет? Становится сентиментальным, начинает беспокоиться о вещах, которые раньше считал само собой разумеющимися? Еще год назад, когда мы работали вместе по делу Серебряка, юрист был жестким и сентиментальностью не страдал.

Девочка, пыхтя, тащила меня вперед.

– Эй, Лу, куда мы идем? – Я потянула малышку за руку. Та остановилась, глядя в землю. – По-моему, пора возвращаться. Как насчет мультиков? Пойдем, а то замерзнешь. Вон, у тебя уже нос посинел и сейчас отвалится.

Девочка уставилась на меня круглыми глазами, сдернула варежку и поспешно потрогала нос. С облегчением рассмеялась и сказала:

– Ты врешь! Врать нехорошо. Кто говорит неправду, будет как Пиноккио. У него нос вырос.

Теперь уже я схватила за нос.

Малышка покатила со смеху.

Я подумала, что, когда Луиза смеется, то выглядит вполне симпатичной. Надо почаще веселить девочку.

Но Лу тут же сделалась серьезной, потянула меня за руку и, когда я наклонилась, вполголоса проговорила:

– Пойдем, я покажу, где убили папу.

Я внимательно посмотрела на дошкольницу.

Может быть, девочка сочиняет? Или это такая игра – странная и очень неприятная?

– Откуда ты знаешь, где это случилось? – спросила я, старательно обходя главный вопрос: откуда вообще ребенку известно, что отца убили? Неужели кто-то рассказал малышке об этом?

– Я видела, – еле слышно проговорила девочка.

Так, приехали.

– Ты видела, как кто-то стрелял в твоего папу? – также тихо спросила я.

Вообще-то надо бы проводить допрос ребенка в присутствии психолога, но ведь нельзя упустить такой случай...

– Его ведьма убила, – прошелестела девочка.

Ну вот, а я ведь на минуту даже поверила...

– Ведьмы бывают только в сказках, – резче, чем следовало, сказала я. – А в жизни их не бывает.

Луиза тут же втянула голову в плечи и засопела, точно ежик.

– Нет, ведьма бывает, – упрямо повторила малышка. – Она ударила папу бутылкой.

Что за бред? Где ребенок мог видеть что-то подобное?! Ну, конечно, в телевизоре, который целыми днями смотрит ее мамочка. Там и не такое можно увидеть...

– Вот там, за деревьями, – показала маленькой варежкой Лу. – Это было там.

«Нет, это же надо! Врет как дышит. Права была Марина».

– Ладно, пойдем посмотрим, – сказала я.

В этот момент за кустами что-то хрустнуло.

Я замерла.

В эту секунду я вспомнила, о чем меня предупреждал Сташевич. А еще я осознала, что нахожусь в незнакомом лесу с шестилетней наследницей лазаревских миллионов. И если кто-то ждал случая убрать с пути препятствие, то лучшего момента ему не отыскать.

– Стой тихо, – прошептала я, расстегивая куртку и медленно доставая пистолет.

Лу уставилась на оружие расширенными зрачками.

Малышка явно имела представление, что за штуку я держу в руке.

– Там медведь, да? – испуганно спросила Лу. – Он пришел меня съесть?

– Глупостей не говори, – бросила я, поводя стволом.

Ну, выйди же, покажись хоть на секунду! Я тебе коленную чашечку отстрелю, и все наши проблемы останутся в прошлом.

В «Сигме» я специально тренировалась в стрельбе по движущейся мишени, особенно мне нравилось попадать в едущие автомобили.

Но никто не вышел из-за деревьев. Может быть, это и вправду был какой-то зверь? Не медведь, конечно – ну, откуда тут медведи? Но, к примеру, встретить здесь лису вполне реально...

Я выждала еще пару минут, но все было тихо.

– Знаешь, пойдем-ка домой, – сказала я, убирая оружие.

Лу послушно зашагала рядом.

– Не понимаю, чего ты так боишься медведей, – бормотала я на ходу, чтобы отвлечь малышку от пережитого страха. – Они милые, в цирке ездят на велосипедах. Ты была в цирке?

– Папочка сказал, если я буду плохо себя вести, придет медведь и меня съест, – Лу упрямо сжала маленький рот.

– Папочка пошутил, – сквозь зубы процедила я.

Вдруг девочка замерла на месте.

– Что такое?

Рот малышки приоткрылся, дрожащая рука указала куда-то за кусты.

– Зомби! – пронзительно завизжала Луиза. – Там зомби!

Я не успела среагировать, не успела разглядеть, кто стоял за кустами. Не успела достать оружие. Вообще ничего не успела. Только подхватить падающую девочку. Ни выстрела, ни крика, ничего.

Малышка забилась в моих руках и потеряла сознание.

Глава 3

Учитывая, что ребенок, даже маленький, весит, как пушечное ядро, я добралась до дома в рекордное время.

Всю дорогу я бежала, пристроив девочку на плечо.

Глаза заливал пот, а сердце норовило разорвать грудную клетку.

Я держу себя в хорошей форме, но кроссов с полной выкладкой не бегала уже давно. Но хуже всего была паника.

Меня трудно застать врасплох – бурная молодость и специфические навыки, вбитые в меня в «Сигме», позволяют мне справиться с любой ситуацией. Но дети... маленькие дети в моем обучении не предусмотрены.

Страх за жизнь малышки гнал меня вперед, заставляя ускорять бег, хотя разумнее было бы позвонить и вызвать машину. Но эта простая мысль пришла мне в голову, когда я уже подходила к воротам. Охранник в стеклянном «стакане» вытаращил на меня глаза.

– Случилось что? – высунувшись из двери, крикнул парень в камуфляже. – Может, «Скорую»?

– Не надо, я сама, – прохрипела я.

Через пять минут я уже стучала в дверь особняка Лазаревых, стучала ногой, потому что руки у меня были заняты.

Открыла мне Катюха.

Увидев безжизненное тело девочки, домоправительница открыла рот, собираясь завизжать.

– Заткнись, – бросила я, отстраняя девушку и протискиваясь в тепло дома. – Где Марина?

– Так это... они как уехали, так до сих пор не приехали, – растерянно проговорила Катерина. – Щас я ее наберу...

И домоправительница полезла за телефоном.

– Ладно, звони, – устало сказала я.

Разговаривать с Мариной у меня не было ни малейшего желания.

К тому же мне нужно было сделать куда более важный звонок.

Кое-как поднявшись по лестнице, я ногой толкнула розовую дверь в комнату Лу, осторожно опустила девочку на кровать и дрожащими руками расстегнула на малышке комбинезон. И кто их только делает, эти детские одежки, все такое маленькое и непривычное...

Один слой одежды, другой – такое чувство, что я очищаю луковицу, а не ребенка раздеваю...

Я тронула артерию на шее, потом взяла маленькую руку и посчитала пульс. Сердечко частило, кожа девочки была багровой и липкой на ощупь. Ничего не понимаю...

Что с ней такое? Девочка увидела за деревьями нечто, что очень ее напугало. Что она сказала перед тем, как потерять сознание? «Зомби»?

Допустим, обморок вызван страхом, пережитым потрясением. Но повышенная температура здесь при чем?

Я умею оказывать первую помощь, правда, куда больше разбираюсь в огнестрельных ранениях и травмах, а о детских болезнях не знаю абсолютно ничего.

Зато я знаю человека, который знает.

Я схватила телефон и набрала знакомый номер.

– Евгения! Сколько лет, сколько зим! – послышался мужской голос.

– Юра, мне срочно нужна твоя помощь, – заорала я, глядя на безжизненное тельце на постели.

– Ты ранена? – Голос утратил приятную игривость и стал жестким и ровным.

Юрий Агеев много лет отработал на «Скорой», и напугать его невозможно.

– Со мной все в порядке, помощь нужна ребенку! Девочка шести лет, вдруг упала и потеряла сознание.

– Она дышит? – деловито спросил Агеев.

Грудная клетка девочки поднималась и опускалась ровно, веки дрогнули. Кажется, Луиза приходит в себя.

– Дыхание нормальное. Сердце частит. Температура, кажется, повышенная.

– Охотникова, успокойся, – немного удивленно проговорил Агеев. – Соберись, ты мне нужна в нормальном состоянии.

Нотации он мне читать будет! Его бы на мое место!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.